

УДК 821.174:821.112.2

Н. Е. Лихина

**РУДОЛФС БЛАУМАНИС, ГЕРМАН ЗУДЕРМАН И ДРУГИЕ:
ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ДИАЛОГЕ ТЕКСТОВ**

В центре внимания автора – резонанс рассказов латвийского писателя Рудольфса Блауманиса в интертекстуальном пространстве литературы. Рассказы Блауманиса рассматриваются как претексты произведений Г. Зудермана, Ч. Айтматова, В. Астафьева. Ставится вопрос о логике и формах взаимодействия текстов в рамках литературной эпохи.

143

The author focuses on the response to the short stories of the Latvian writer Rudolf Blaumanis within the intertextual space of literature. Blaumanis's short stories are considered as pre-texts for the works of H. Sudermann, Ch. Aitmatov, and V. Astafyev. The author analyses the logic and forms of interaction between texts in the literary era in question.

Ключевые слова: Блауманис, Зудерман, Айтматов, Астафьев, интертекст, литературное взаимодействие.

Key words: Blaumanis, Sudermann, Aitmatov, Astafyev, intertext, literary interaction.

Культура всегда существует на границе, и художественный текст трансгрессивен по своей сути, независимо от места и времени его создания и конкретных поэтических практик писателя. Интертекстуальность проявляет себя не столько в цитатах и заимствованиях, сколько в гетерогенности, полифоничности (М. Бахтин) структуры текста, где *гетерос*, то есть *другой*, — это след всей мировой культуры. Тем более верно то, что интертекстуальное поле формирует цельность литературной эпохи и обеспечивает взаимосвязи порой весьма удаленных ее элементов, неявные, быть может, на уровне текста, но выятные для эстетического восприятия.

Писатели, о которых далее пойдет речь, не относятся к числу знаковых фигур своего времени, они принадлежат разным национальным литературам, объединяет их только двадцатое столетие. Но его культурное пространство обеспечивает резонанс, в котором дальним эхом отдается даже негромкий голос.

Рудольфс Блауманис¹ (1863–1908) и Герман Зудерман (1857–1928) — представители одной литературной эпохи и одного большого региона Южной Балтики, но об их биографических контактах нам ничего неизвестно. Первый провел свою жизнь в родной Латвии и Финляндии и

¹ В СССР книги писателя издавались под именем в немецком варианте: Рудольф Блауман, Современная энциклопедия приводит его имя в написании «Блауманис Рудольф Матисович» [6].

известен своими произведениями о жизни латвийского крестьянства. Второй был уроженцем Литвы, но уже годы учебы провел на немецкой земле (в Тильзите и Кёнигсберге), а с двадцатилетнего возраста жил в Берлине.

Двух писателей роднят единые художественные установки: интерес к социальной тематике с сильным нравственным компонентом, реалистический принцип изображения, пристрастие к новеллистической форме, психологизм, поэтизация человека труда. И на фоне этого по-своему естественного типологического сближения устанавливаются связи иного уровня — диалог текстов, интертекстуальные отражения и переключки.

144

Слово «отражение» особенно точно характеризует взаимосвязь повести Г. Зудермана «Ионас и Эрдме» (1917) и рассказа Р. Блауманиса «В трясине» (1898): первый представляется зеркальным отображением второго.

«Ионас и Эрдме» Г. Зудермана — развернутое эпическое полотно, сюжет и конфликт в котором строятся на оппозициях: цветущей молодости и разочарований опыта, любви и предательства, обретенной собственности и утраченного смысла жизни.

В основе повести история семьи Балтрушайтисов — их трудного подъема и горестного жизненного падения. Приобретение собственности, создание семьи, строительство дома, обретение смысла жизни в преодолении одиночества, в любви и труде... Однако и дом, и семья будут разрушены. Плоды тяжелого труда и накопления собственности пойдут прахом. Семья, любовь, верность, уважение — все метафорически утонуло в болоте, как тонет во время бесконечных наводнений жилище Балтрушайтисов.

Ионас — батрак у батрака («антрикинас»), Эрдме — посудомойка в доме у немцев, но общечеловеческая характеристика возвышает и поэтизирует этих людей труда: «оба юные, сильные и милые» [2, с. 212]. Но «узкая стезя добродетели», о которой говорит героям пастор, расходится с реальной жизнью на болоте, в которой мелкие грешки оборачиваются большой ложью и морально-этическим крахом. «Ведь если кто-то беден так, как я, тогда для нее это не грех» [2, с. 225], — говорит героиня (когда Ионас и Эрдме воруют лес в заповеднике у помещика), тем самым как будто заговаривая свою совесть.

Особую роль играет тема собственности. В начале повести есть сцена сравнения кошельков. У Ионаса оказывается 25 марок, у Эрдме — 66. Это немало, ведь сотней марок уже можно и дом строить. Но почему у Эрдме больше денег, чем у крепкого и сильного Ионаса? Закравшееся подозрение начинает подтачивать будущий семейный союз. В конце повести мы видим полный крах семьи и собственности. Эрдме уходит к другому мужчине, долгие годы добивавшемуся ее внимания, а эгоистичные дочери, на воспитание которых ушло столько лет, сил и средств, оставили родителей ни с чем, буквально ограбили.

Но крах собственности в интерпретации писателя — еще не разрушение семьи. Сквозным является в повести мотив надежды и возрождения. Финал символичен: «Эрдме легла на солому и думает: “О боже,

как же хорошо здесь лежать!" Скоро ее спина поправится, и она снова сможет работать за троих. И благодать спустится на них, как это уже один раз было. Да нет же, благодать уже спустилась, потому что рядом лежит Ионас и в полусне бормочет: "Главное, что ты вернулась"» [2, с. 378].

Повесть Г. Зудермана «Ионас и Эрдме» коррелирует с текстом Р. Блауманиса, имеющим характерное название «В трясине». Только у берлинского писателя болото — образ открыто символический, метафизический. Характерно, что замысел повести «В трясине» позже трансформировался в пьесу, носящую название «В огне» — одна стихия дополнила другую, герои то ли тонут в пучине страсти, то ли горят в ее пламени. У Г. Зудермана болото натуральное. Стихия воды, ливней и наводнений, ветра и урагана — не страсти, а природной слепой силы, — которую герои преодолевают с невероятными усилиями, без метафорических условностей сокрушает жизнь героев.

Герои Р. Блауманиса погружены в стихию темных чувств и страстей, герои Г. Зудермана — в слепую стихию природы, судьбы, рока.

Блаумановские Эдгар и Кристина особым образом опозитизированы: их жизнь освещает мотив красоты, который у Г. Зудермана отчетливо не выражен. Кристина — редкая красавица, на сердце которой претендует не один мужчина. Эдгар, как выразился бы Н.С. Лесков о таком крестьянском типе, — черноземный Аполлон; он необыкновенно красив и тоже постоянно находится в сфере женского внимания. Эдгар — конюх в имении Алайне (в пьесе — Кесбери), принадлежащем богатому барону, Кристина — горничная в зажиточном доме. Конфликт любви и денег здесь опосредован, сглажен. Кровь, темперамент, страсть, и в то же время удивительное целомудрие и свет характеризуют героев. Тема собственности, социальная проблематика в повести Блауманиса не выходит на первый план, важнее общечеловеческий смысл образов.

Зеркальное соотношение повестей Блауманиса и Зудермана проявляется и в соотношении персонажей — героя и героини. Блаумановская Кристина прощает своему возлюбленному его ошибки, заблуждения, прегрешения (женщин, выпивку, необузданность в проявлении чувств, предательство любви). У Зудермана, напротив, мужчина прощает женщине ее предательство, хотя главная вина в разорении родного гнезда лежит именно на ней. Ионас Балтрушайтис — благородство в прощении, Кристина — неодолимость любви, которая заставляет ее бежать от богатого и в высшей степени положительного жениха. Эдгар и Кристина только в начале своих страданий, а Ионас и Эрдме — в конце. Но и в том и другом случае финал повести остается открытым.

Интересно, что оба произведения объединяет счастливая кинематографическая судьба. Повесть Зудермана была экранизирована Федерико Феллини («Ионас и Эрдме», 1959) с Джульеттой Мазиной в главной роли; по сюжету Блауманиса был снят фильм «Эдгар и Кристина» (реж. Л. Лейманис, 1966), в котором сыграла великолепная Вия Артмане.

Резонансный фон прозы Блауманиса не ограничивается кругом европейских писателей его времени, которым была близка социально-нравственная проблематика. Творчество рижского прозаика вписано и в культурное пространство русской литературы.

Сюжет рассказа Блауманиса «В тени смерти» (1899) почти точно повторяется в повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря».

У Айтматова — зимнее штормящее море уносит рыбацкую лодку. У Р. Блауманиса — отрывается от берега льдина с рыбаками. Оба писателя решают этот сюжет как морально-этическую драму выбора между жизнью и смертью. Айтматовские герои оставляют в лодке ребенка, уповая на то, что ее все-таки вынесет течением к берегу, а сами один за другим добровольно уходят из жизни. В этом нет обреченности и страха, хотя тень смерти уже накрыла персонажей своим крылом — ведь род не умрет, если мальчик выживет и продолжит его традицию. Все это есть и у Р. Блауманиса. Рыбаки тянут жребий, так как их десять, а в спасательной лодке только семь мест. Старик Далда уступает свое место сыну Янису, благословляя его на жизнь. Можно сказать, что это бродячий сюжет, начиная с трагедии «Титаника» или даже плота «Медузы». Но нельзя не восхититься удивительным совпадением двух писателей в тематическом и поэтическом пространстве литературы.

Пронзительная лирическая нота и исповедальная интонация роднят с рассказом Р. Блауманиса «Красный всадник» с рассказом В. Астафьева «Конь с розовой гривой».

Мальчика-сироту Витю Потылицына бабушка посылает за земляничкой, чтобы продать ее в городе и купить лакомство — сахарный пряник. «Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые» [5, с. 50]. Конец рассказа оптимистично-драматический. Мальчик заигрался с деревенскими друзьями, земляники не собрал, но обманул бабушку, переложив в корзину ягоды травой. Вожденный конь с розовой гривой ушел в мифическую даль. Но приехала бабушка из города, и «по скобленому кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой... Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло... А я все не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой» [5, с. 68].

Эту пронзительность интонации, а не только сюжет, заложил для В. Астафьева в общемировом культурном пространстве рассказ Р. Блауманиса «Красный всадник».

В основе сюжета — описание праздника для крестьянских детей на Рождество, благотворительной елки, которую устраивают братья, видимо, учителя, сельские интеллигенты, не очень богатые, но душевно щедрые. Главный «герой» — «красный пряничный всадник с белыми сахарными позументами. На голове у всадника золотой картуз. Красивый мужчина» [3, с. 350]. Мальчик по имени Эльстер не вытянул жребий: всадник умчался к Блуму, другому мальчику. «Мальша будто громом ударило. Мне стало не по себе. Как мерзко. Неужели не мог на долю этого ребенка выпасть такой пустяк... Маленькому Эльстеру не достался всадник, и сердце мое разрывалось на части... Оба мы — я и мальш — одинокие и заброшенные — мне хотелось плакать» [3, с. 350].

Мотив красоты, которого так недостает в обыденном существовании, способность эстетически переживать, тонкая душевная организация и главное — романтический образ надежды — общий язык таких разных и так далеко отстоящих друг от друга во времени произведений.

Список литературы

1. Карасев О.В. Некоторые аспекты понимания текста // Понимание как усмотрение и построение смыслов : сб. науч. тр. Тверь, 1996. С. 5–8.
2. Зудерман Г. Литовские истории. Клайпеда, 2008.
3. Блауман Р. У счастья за пазухой. М., 1988.
4. Зудерман Г. Литовские истории. Клайпеда, 2008.
5. Астафьев В.П. Собр. соч. : в 6 т. М., 1992. Т. 3.
6. Википедия : свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.06.2014).

Об авторе

Наталья Евгеньевна Лихина – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: nlikhina@kantiana.ru

About the auhtor

Dr Natalia Likhina, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federatl University, Kaliningrad.
E-mail: nlikhina@kantiana.ru